

Антон Радич

Рисунки А. МУРАВЬЕВА

Звездная летняя ночь окутывала безбрежную равнину степи. Было тихо. Лишь изредка повеял теплый ветерок, неся с собой пряный запах подсохшей травы.

На чабанской стоянке горел костер. Его красноватый, мигающий свет вырывал из темноты фигуры сидевших вокруг огня людей и угол деревянного, потемневшего от времени вагончика. Невдалеке от костра чуть серела в темноте отдыхавшая под охраной сторожевых собак отара.

Чабанов было четверо. На разостланной бурке полулежал, опершись на локоть, кражистый старик — Григорий Осипович Коваль с темным от постоянного загара морщинистым лицом, на котором белели длинные усы, свисавшие к бритому подбородку. Рядом с Ковалем устроился смуглолицый, черноглазый и черноволосый подпасок Митя. По другую сторону костра сидели, поджав ноги, пятнадцатилетний третьяк Коля и его ровесник арбич Филя. Чабаны молчали. Каждый думал о войне. Шла она уже второй год. Враг наступал. Отброшенные зимой от Москвы, гитлеровцы рвались теперь к Сталинграду и на Кавказ. Тревожные слухи летели по степи. Говорили, что враг уже перешел Дон, захватил Краснодар и вот-вот его танки загромяхают по бескрайним просторам степей Ставрополя.

- Давайте, хлопцы, ночь делить, — нарушил, наконец, молчание Коваль.

Сняв сапоги, он прошел к вагончику, принес оттуда подушку, одеяло и стал укладываться спать. Его примеру последовали Митя и Филя.

- А я пойду баранов гляну, — сказал, поднимаясь, Коля.

- Иди, иди, — отозвался Митя, — о своих подшефных не забывай.

Рассказ

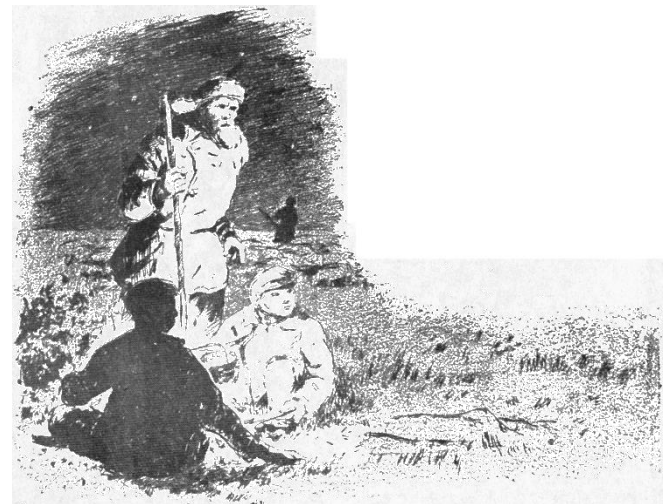
Бараны паслись неподалеку от отары Ковалья, под присмотром старенького чабана Федота Мальцева. Давно ему предлагали жить в селе, получать от колхоза пенсию, да не слушал он никаких уговоров. «Умирать в село поеду, — говорил он, — а сейчас мне делать там нечего».

Сегодня утром Федот пожаловался на боль в груди и с подводной уехал к врачу.

За баранами весь день присматривал Коля. На ночь он пригнал их на стоянку.

Бараны отдыхали по другую сторону вагончика. Коля обошел вокруг и вернулся к потухшему костру.

- Лежат мои подшефные, один баран Казбек стоит, как часовой на посту, — сказал он, но ему никто не ответил: все уже спали.

Коля сел у костра и долго рассматривал усыпанное звездами небо.

Несколько дней тому назад Митя принес из сельской библиотеки фантастический роман о полетах на Марс. После этого ребята долго рассматривали ночью небо, но красноватой планеты, как она описывалась в книге не нашли.

Сейчас Коля тоже искал Марс. От этих поисков его отвлек протяжный вой собаки, донесшийся из темной степи. Коля посмотрел в ту сторону, прислушался. Вой повторился. Глухо, протяжно завывала одна из собак, стороживших отару Ковалю.

Не зная, что заставило выть собак, Коля вскочил, схватил ярлыгу и бросился к овцам, но вдруг остановился, как вкопанный. Далеко на западе полыхало кроваво-красное зарево. «Пожар какой-то большой, — подумал Коля, — Не степь ли горит?» Он повернулся и побежал к костру, чтобы разбудить Ковалю, но тот уже сидел на бурке и пристально смотрел на зарево.

- Григорий Осипович, что это? — встревоженно спросил Коля.

- Горит что-то.

- Не степь ли загорелась? Помните, в позапрошлом году пожар был?

- Нет, степь так не горит.

Временами огонь далекого пожара как будто бы начинал стихать, но потом вдруг вспыхивал с новой силой и тогда его багровые отблески дрожали и переливались на темной гряде облаков у горизонта.

Зарево пожара, вой собак нарушили мирную тишину летней ночи, посеяли смутную тревогу. Коля разбудил Филю и Митю. Они долго, молча смотрели на зловещие отблески огня, потом Филя тихо спросил:

- Григорий Осипович, может это фашисты идут?

- Не знаю, сынок, может и они, — ответил Коваль. И по тону его голоса легко было догадаться, что и он сам думал об этом же.

* * *

На другой день, рано утром, Митя отправился в село. Ему нужно было обменять книги в библиотеке да узнать о здоровье старика Федота. Но Коля и Филя надавали ему столько поручений, что их пришлось записать для памяти на бумажку.

Утром в степи было прохладно, тихо. Митя неторопливо шагал по пробитой в траве полевой дороге, посвистывал и хлопал в ладоши, когда через дорогу перебежал проворный заяц.

До села было километров двенадцать. Часа через два Митя уже видел серебристые макушки верб, росших вокруг пруда на окраине села. Поднявшись на взгорок, увидел село и остановился, не зная, чем объяснить царившую в нем суматоху. По улицам скакали в разных направлениях конные, из просторного двора машинно-тракторной станции один за

другим выезжали тракторы с прицепленными к ним комбайнами, сеялками, плугами. По центральной улице села рысью бежал табун лошадей, за ним в клубах пыли тянулось стадо, вереницей ехали подводы, нагруженные мешками, узлами, ящиками.

Митя бегом спустился с пригорка и тут услышал доносившиеся из разных концов села неясные крики, плач. У Мити как будто оборвалось что-то внутри. «Это от фашистов скот угоняют и машины увозят», — догадался он и побежал еще быстрее. Хотелось ему скорее попасть домой, увидеть мать, сестру. Но у крайних хат села его встретил скакавший верхом председатель колхоза Нагорный.

- Стой! Ты куда бежишь? — спросил он, осаживая коня.

- В село, Сергей Митрофанович... Что там делается?

Остановившись, тяжело дыша, Митя встревоженно смотрел на председателя.

- Фашисты, Дмитрий, наступают, уходить надо, — пояснил Нагорный. — Слышишь? — спросил он, подняв руку с зажатой в ней плетью.

Митя ясно услышал несколько глухих взрывов.

- Бомбят, гады, станцию, — сказал председатель, спрыгивая с коня. — Вот что, Дмитрий, сейчас нам каждая минута дорога: чуть опоздаем, пропало всё наше богатство. Ты в село не ходи, беги к отаре своей. Скажи Григорию Осиповичу, пусть немедленно угоняет овец. Направление держите на Кизляр...

Тут снова послышались частые взрывы, теперь уже гораздо ближе. Будто подстегнутый ими, Нагорный вскочил в седло.

- Давай, Дмитрий, быстрее, а я к другим отарам поскочу.

Конь председателя с места взял в галоп. Митя, не раздумывая, повернул назад. Вбежав на пригорок, остановился, оглянулся на село, опять вспомнил мать, сестру и заплакал: придется ли вернуться назад, увидеться с ними?

Было жарко. Пот заливал Мите глаза, хотелось пить, но он уже не останавливался, бежал к отаре. Изредка, переходя на шаг, чтобы отдышаться, Митя снимал войлочную шляпу, отирал ею пот с лица и снова бежал.

Отара оказалась на месте. Митя издали увидел Ковалю. Старый чабан стоял, опершись на ярлыгу, на невысоком пригорке. Вокруг, рассыпавшись, паслись овцы. В стороне пас баранов Коля.

Добежав до пригорка, Митя, обессиленный, опустился на траву и выпалил единым духом:

- Григорий Осипович, овец угонять нужно, фашисты сюда идут, уже станцию и еще что-то бомбили.

- Вижу, — невесело ответил старый чабан, — кого в селе видел?

- В селе я не был, не дошел. Председатель встретил. Угоняйте, говорит, овец медленно, направление держите на Кизляр... Сам он в другие отары поехал.

- На Кизляр, — задумчиво повторил Коваль и, опершись на ярлыгу, задумался.

Митя, поднявшись, нетерпеливо посматривал на него. Ему казалось, что вот-вот из-за дальних курганов вынырнут фашистские танки, начнут стрелять и тогда уходить будет поздно. Почему же медлит Коваль, о чем он думает?

А старый чабан, казалось, забыл о Мите, не замечал его волнения. «Что же делать? — думал он. — Послушать председателя — гнать отару на Кизляр, но ведь туда пойдут сейчас сотни отар. Фашисты бомбить начнут, а может и совсем дорогу перережут. Тогда, что делать? Пропадет дорогая отара. Угнать овец за Маныч? Фашисты туда едва ли пойдут. Там пустыня, безлюдье, что им там делать? Но если придется зимовать, а зима окажется снежной, буранистой, где тогда укрывать овец, чем их кормить?»

Чабаны стали готовиться в далекий путь. Недолгими были сборы. На подводе, запряженную парой волов, положили водопойные корыта, чабанский инвентарь, продукты, одежду — и всё было готово.

- Григорий Остапович, а далеко до этого Кизляра? — спросил Филя, — Вы были когда-нибудь там?

- Нет, не был я там. И не знаю, нужно ли туда идти. Может быть, нам за Маныч лучше податься.

Ребята переглянулись, но кто из них, неопытных, мог что-нибудь посоветовать старому чабану?

По старой привычке, Коваль, перед тем как тронуться на место новой стоянки, всегда садился покурить. Не изменил он этой привычке и теперь.

- Садись, хлопцы, покурим, — сказал он, присаживаясь на дышло вагончика.

Ребята сели тоже, хотя никто из них не курил.

Опустив голову, Коваль неторопливо потягивал трубку. По тому, как он поднимал время от времени руку и поглаживал ею морщинистый лоб, было видно, что он всё еще раздумывал о том, куда лучше двинуть отару.

Наконец, выбив трубку, Коваль, уже не колеблясь, сказал своим помощникам:

- Овец погоним за Маныч. Труднее нам будет там, но отару сбережем. А туда идти, — махнул он ярлыгою на восток, в сторону Кизляра, — сердце не лежит у меня: оттуда мы скорее в село одни ярлыги принесем, а может и их нести некому будет. Вот так, хлопцы... Трогай, Митя.

Отара пошла. Следом за ней двинулся на подводе Филя.

Раньше, когда переезжали с одной стоянки на другую, Филя, тронув быков, доставал из кармана камышевые дудки и начинал играть. Медленно, низко наклонив головы, шли быки, поскрипывала повозка, а Филя запускал трели, подражая жаворонку. Послушав его игру, Коваль часто говорил: «Хорошо играет. Я в молодости тоже любил этим делом забавляться, но так не умел».

Сегодня так же медленно шли быки, так же поскрипывала повозка, но не играл Филя на дудке. Сгорбившись, низко надвинув войлочную шляпу, сидел он на передке подводы. Разве до дудок было ему сейчас? Никогда не думал он, что сюда, в степь, придут фашисты. Может быть, они сейчас уже в селе, грабят, жгут, разоряют всё, убивают людей. Филя вспоминал мать, сестру Марийку, которая весной перешла во второй класс, и совсем маленького брата Павлушку. Что теперь будет с ними? А отец? Где он? Наверно, убили его фашисты на фронте. Конопатое лицо Филя болезненно морщилось. Он часто оглядывался назад и всё смотрел и смотрел на бурые столбы дыма, поднимавшиеся из-за далекого горизонта.

Невеселым был и Коля. Он тоже нет-нет да и поглядывал назад, туда, где осталось за пологими степными увалами родное село. И он, как и Филя, думал о своих домашних. «Мы-то уйдем за Маныч, а как мать и бабушка? Что, если их убьют фашисты?» — размышлял он.

* * *

Днем отара остановилась на отдых в широкой степной ложине, у протекавшей здесь безымянной речушки с заросшими осокой берегами.

Чабаны напоили овец, потом пообедали и, когда солнце покатило к западу, снова подняли отару.

На ночь остановку сделали у степного колодца с теплой солоноватой водой. Позади осталось километров двадцать пройденного пути. Дневной зной истомил людей и живот-

ных. Овцы пили много, жадно и сейчас же тяжело опускались на землю.

Коваль набрал цыбарку воды, снял рубашку и обмылся до пояса. Затем вымыл ноги. То же приказал он сделать и своим помощникам.

- Привыкайте, хлопцы, жить по-солдатски,— говорил он.

Филя сварил ужин. Вкусным был припахивающий дымком степной кулеш, но чабаны ели плохо. Не было за ужином обычных неторопливых разговоров о прошедшем дне, о погоде. Никто не сказал шутливого слова. Чабаны то и дело поднимали головы и смотрели на запад, где с наступлением темноты снова стало видным зарево пожаров. Но сегодня оно придвинулось ближе и казалось еще более зловещим.

Сразу после ужина Коваль приказал своим помощникам спать, а сам, отойдя немного в сторону, туда, где паслись быки, прилег на расстеленной бурке и так пролежал, не смыкая глаз, до рассвета.

На пятый день пути чабаны, всё дальше и дальше уходя по выжженной солнцем степи от родных мест, остановились на ночевку у самого Маныча. Пока поили овец, готовили ужин — стемнело. Костер догорел. Ночная мгла поглотила чабанскую стоянку и каждый вдруг ощутил, как глухи и пустынно здешние места. Не слышно было ни лая собак, нигде не виднелось ни одного огонька. Иногда, нивесть где родившись, теплой волной пролетал над землей легкий порыв ветра и тогда было слышно, как сухо шелестят дремучие камыши, сплошь закрывшие пересыхающие озера.

Чабаны не спали. Коваль лежал на бурке навзничь, закинув руки под голову, и молча смотрел в усеянное звездами темное небо. Митя был на посту. Повесив на плечо дробовик, он медленно шагал взад и вперед недалеко от лежавшей отары. Коля и Филя молча сидели у догорающего костра. Лица обоих были сумрачными. Видимо, каждый думал сейчас о родных, оставшихся теперь далеко, о неизвестной их судьбе.

* * *

И вот до слуха чабанов донеслось эхо далекой артиллерийской стрельбы.

- Что это? — вскочил Митя.

- Похоже, что фронт к нам придвинулся,— высказал догадку Коваль. — Давайте уходить дальше.

- Дядя Гриша, там какие-то люди — испуганно крикнул Филя. Глаза его были широко

раскрыты, на побледневшем лице ярче выступили веснушки.

- Какие люди? Где? — встревожился Коваль.

- Вот там из камыша вышли двое с ружьями и опять в камыши ушли... Да вот они идут сюда...

Прямо к ним шли два человека с автоматами. Когда им навстречу поднялись собаки, они остановились. Один из них — с темной окладистой бородой был в пиджаке, высоких охотничьих сапогах и кепке, другой, помоложе, в военной гимнастерке и брюках защитного цвета. Через плечо у него висела полевая сумка, а на шее — бинокль. «Свои»,— подумал Коваль.

- Из каких мест будете? — спросил чернобородый.

- Из колхоза Ленина.

- Так. От фашистов уходите?

- Уходим.

- Хорошо. Успели вовремя, — сказал чернобородый. Теперь ничего фашистам не достанется. А мы партизаны. Здесь наш отряд. Мы давно уже заметили вас. Видим, что направление ваше к нам и не беспокоили вас раньше времени. А теперь просим вас пройти с нами к командиру отряда, а хлопцы с овцами пусть подвигаются в этом же направлении.

- Что это за стрельба была? - спросил Коваль,— Бой, что ли?

- Это далеко, не беспокойтесь. Наша разведка вернется, доложит.

Коваль сделал нужные распоряжения и зашагал вместе с партизанами. Километрах в пяти от места встречи в густых камышах он увидел целый городок из землянок, расположенных ровными улицами. Коваля провели в центр городка. Здесь была просторная землянка со столом посередине и скамейками вокруг. За столом сидел командир отряда капитан Никитин, широкоплечий блондин, лет тридцати пяти. Возле стола стоял коренастый мужчина, тоже в военной форме, с короткими, погрузински подстриженными усиками, с папирсой в руке. Чернобородый доложил, что с ними пришел чабан Коваль и что необходимо получить указание командира, куда направлять отару.

- Садитесь, товарищ Коваль, - сказал капитан,- Вы можете быть свободными - отпустил он спутников Коваля.

- Рассказывайте, товарищ Коваль, как удалось уйти от гитлеровцев?

- Ушли очень просто, без особых происшествий. Я получил указание председателя колхоза уходить с отарой на Кизляр но самовольно ушел сюда, побоялся к врагу попасть. Ведь отара у меня племенная Кавказской породы.

- И правильно поступили, товарищ Коваль. Дорога на Кизляр сейчас небезопасна, а сюда гитлеровцы вряд ли придут. А если попробуют сунуться, то угостить их сумеем... Недалеко отсюда есть заброшенные кошары, там же хорошие пастбища. Сколько нам придется здесь быть — неизвестно. Сейчас лето, но не забывайте о зиме. Придется вам, товарищ Коваль, устроить свой стан в кошарах. Нужна будет помощь, скажете, мы поможем. Отару вашу надо спасти непременно...

* * *

Шел декабрь. Советские войска перешли в контрнаступление. Не устояв на своих оборонительных рубежах, оккупанты начали стремительно откатываться назад. Фронт приближался с каждым днем.

Всё чаще советские самолеты беспокоили тылы врага. С надеждой смотрели на них измученные советские люди, находившиеся в занятых врагами местах. Партизаны постоянно сообщали о положении на фронтах, переписывая и рассылая сводки Информбюро, принятые по радио. Люди читали их, собравшись по двое, по трое, передавали из рук в руки.

Старики выходили по ночам во дворы и прислушивались: не слышно ли орудийной стрельбы.

И вот наступил долгожданный день. Перед вечером, когда солнце бросило последние лучи вдоль села и осветило догорающие фашистские склады, в село вошли советские танки. Полусожженное, оно было безмолвно. Казалось, в нем нет ни одной живой души. Но не успели танки остановиться, как к ним стали подбегать жители. Вездесущие ребятишки окружили машины и уже карабкались на закопченную броню. К танкистам подошел, опираясь на палку, древний старик.

- Здравствуйте, сынки, — сказал он, стаскивая потрепанную шапку, — спасибо, дорогие, изождались мы вас...

Подошла старуха, одетая в ватную фуфайку, испачканную мазутом. Она хотела что-то сказать и не могла. Стояла, смотрела на обветренные лица танкистов, и крупные слезы градом катились из ее глаз.

* * *

Возвращались хозяева к своим хатам, к остаткам имущества, качали головами и молча начинали исправлять разрушенное. Хозяйство сотен колхозов края было разграблено, уничтожено, вывезено, многие постройки разрушены и сожжены. Оставшийся на месте скот разбрелся по степи.

Колхоз имени Ленина понес большие потери: та часть села, где были расположены хозяйственные постройки колхоза и правление, была сожжена. Полуразрушенной оказалась сельская электростанция и клуб. Неизвестно было, уцелел ли эвакуированный скот.

* * *

Минули лютые январские морозы. Настал февраль. По заснеженной степи гулял сырой, холодный ветер.

В половине марта возвратились домой колхозные отары, коровы, лошади, а о Ковале не было никакой вести. Никто его не видал, никто о нем не слышал.

Председатель колхоза имени Ленина Сергей Митрофанович объездил сотни колхозов, исколесил всю бурунную степь. Где он только не побывал, но никто ему не сказал, куда пропал Коваль со своей отарой.

Но вот однажды, когда все уже стали забывать о пропавшей отаре, на сельской улице вдруг раздался чей-то громкий и радостный голос. Кто-то звал людей выбежать на улицу и посмотреть. Скоро все — и стар и мал — были на улице. С севера, со склона высокого степного увала медленно спускалась белая отара овец. Люди наблюдали за ней и терялись в догадках.

- Овцы! Чьи же это овцы? К селу направляются.

- Видно, гонят из эвакуации. В Крым или на Украину.

- А может, из Казахстана. Говорят, там решили помочь нашим колхозникам. Не нам ли помощь?

- Слишком быстро. До Казахстана тысячи верст.

Когда отара была на выгоне, Сергей Митрофанович не выдержал, сел на коня и во весь карьер помчался навстречу овцам. Следом за ним побежал животновод Гнездилов и несколько колхозников из животноводческой бригады.

Какой-то бородатый чабан, завидев скачущего всадника, приостановился впереди отары и перекинул с плеча на плечо свою ярлыгу. Когда председатель подскочил к нему, чабан вскрикнул и бросился к нему.

- Сергей Митрофанович, родной мой, живой!

- Коваль! — вскрикнул председатель, — Ты жив?

От неожиданности Сергей Митрофанович не знал, что сказать. Он внимательно всматривался в чабана и, всё еще не веря себе, протянул руки подбежавшим подпаскам.

- Жив, — улыбнулся Коваль, — и отара вся цела...

- Где же ты пропадал? — спросил председатель.

- Степь наша широка, она и прокормит и скроет от любого врага... Ты уж прости, Сергей Митрофанович, что не послушал я тогда твоего приказа. Не мог я идти в Кизляр. Меня бы всё равно фашисты догнали.

- Что ж, правильно сделал, — проговорил Сергей Митрофанович.

И председатель крепко обнял отважного чабана Ковалья, а потом черных, обветренных, в истрепанной одежде Митю, Колю, Филю.